

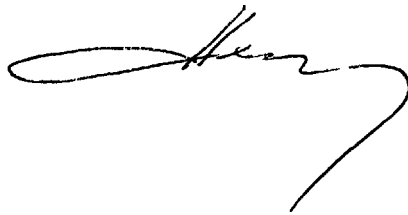
На правах рукописи

НЕКЛЮДОВ Евгений Георгиевич

**УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ВЛАДЕНИЯ**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Екатеринбург
2004**

Работа выполнена на кафедре археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин Уральского государственного университета имени А. М. Горького

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Миненко Нина Адамовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Мосин Алексей Геннадьевич;
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Сапоговская Лариса Владимировна;
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Юркин Игорь Николаевич

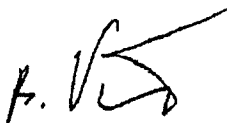
Ведущее учреждение: Институт российской истории РАН

Защита состоится 26 ноября 2004 г. на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В. А. Кузьмин

2005-4
22090

926707

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Рубеж тысячелетий ознаменован утверждением новой парадигмы гуманитарного знания, выдвинувшей на первый план значение антропоцентричного подхода в исторической науке¹. Его приложение к изучению главного объекта уральской историографии - горнозаводской промышленности региона - обращает ученых в первую очередь к исследованию наиболее значимых и отчетливо персонифицируемых "действующих лиц" истории этой промышленности - заводовладельцев.

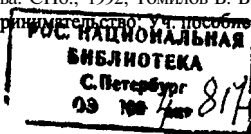
Наше исследование посвящено заводчикам первой половины XIX в., периода далеко неоднозначного и относительно слабо изученного в контексте истории уральской и российской экономики. С одной стороны, оно связано с давней традицией изучения горнозаводской промышленности Урала и в этом ракурсе входит в ряд многочисленных исследований, берущих начало еще со времен становления самой промышленности и актуализированных ее недавним 300-летним юбилеем. С другой стороны, наша работа сориентирована на изучение особого, "личностного", аспекта развития горнозаводской промышленности, определившегося в качестве ценностного предмета исторического исследования лишь в последние годы. В этом ключе она отражает новейшие тенденции в развитии отечественной историографии и входит в круг пока немногочисленных работ, связанных со становлением исторической антропологии².

Сопряженность "традиционного" и "модернистского" ракурсов в исследовании уральских заводчиков первой половины XIX в. реализуется в таком понятии, как частное предпринимательство, трактуемого большинством историков и экономистов как особый вид индивидуальной или коллективной экономической деятельности, направленный на извлечение прибыли³. В этой связи выявляется актуальность темы не только с методологической и историографической точек зрения, но и в виду переживаемого Россией историчес-

¹ Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Чубарьян А. О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997 г. М., 1998; Репина Л. П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998; Козьменко В. М. Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002; и др.

² Очерки экономической антропологии. М., 1999; Кузьмичев А. Д. Дух предпринимательства (Несколько слов об антропологическом подходе к истории экономики) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. С. 51-56.

³ История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 5; Крупанин А. А. Основы предпринимательства. СПб., 1992; Томилов В. В. Культура предпринимательства: Уч. пособие. СПб., 2000; Предпринимательство. Уч. пособие. М., 2002.

кого этапа, когда частное предпринимательство вновь становится существенной доминантой общественного развития и именно с ним ассоциируются у многих надежды на скорое возрождение страны.

Цель и задачи исследования. Целью нашего исследования является воссоздание исторического образа и определение роли заводчиков в развитии горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. Для ее достижения последовательно реализуются следующие задачи: анализируются сложившиеся на различных этапах развития историографии темы представления об уральских заводчиках и их исторической роли; определяются правовые условия функционирования горнозаводской промышленности в изучаемый период и вытекающие отсюда права и обязанности заводчиков и политика государства; выявляется персональный состав и реконструируются практики владения всех родов уральских заводчиков; применяются различные варианты социальной стратификации заводчиков и определяются особенности и результаты выполнения ими базовых функций владения и управления; осуществляется опыт типизации горнозаводских округов и их владельцев, который и становится отправной точкой оценки исторической роли заводчиков.

Объектом исследования являются владельцы всех уральских горнозаводских округов, определяемые синонимичными понятиями "заводчик" или "заводовладелец". Сложность объекта заставляет нас рассматривать его в нескольких ракурсах в зависимости от решения конкретных задач исследования. Во-первых, отталкиваясь от распространенного представления о том, что в России была ярко выраженной фрагментация общества¹, мы рассматриваем заводчиков в виде особой социо-правовой группы, организующим признаком которой являлось наличие у ее членов металлургических заводов в собственности. Этот фундаментальный признак придавал заводчикам и особый правовой статус, вытекавший из специфики их социальной роли и искусственно фиксируемый государством в горнозаводском законодательстве. Во-вторых, при реконструкции практик владения заводчики рассматриваются нами персонально, но не обособленно, а в динамичном составе родов, естественно сложившихся к началу XIX в. или в течение первой его половины, члены которых были связаны между собой семейными узами (за исключением нескольких лиц, представленных в составе заводчиков в единственном лице). Такой взгляд представляется вполне целесообразным, поскольку исследованию подвергается институт наследственной собствен-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. I. С. 141

ности, сложившийся не в изучаемый, а в предшествующий исторический период и развивающийся в первой половине XIX в. В этом ракурсе роды заводчиков предстают в виде, так сказать, совокупных действующих лиц истории. В третьих, при генерализации полученной информации в аналитической части работы мы рассматриваем заводчиков в виде операционной совокупности всех выявленных в ходе исследования родов и лиц, исчисленной как за весь изучаемый период, так и на рубежные годы.

Предметом исследования является практика владения заводчиками горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX в. Термином "практика владения" мы определяем особый род деятельности заводчиков, связанный с реализацией ими своих владельческих прав. Изучение объекта в контексте практики владения представляется способом, наиболее приемлемым для достижения цели и задач исследования, поскольку заводчики интересуют нас не во всех своих индивидуальных жизненных "проявлениях" (имеющаяся информация об этом, конечно, не игнорируется, но рассматривается как дополнительная), а в специфической роли владельцев уральских заводов. В этом ракурсе их история (или история их родов) преломляется через анализ именно той стороны деятельности, которая напрямую была связана с осуществлением этой роли, т. е. через практику владения. Реконструкция всей множественности "родовых" и "персональных" практик владения позволяет не только четко обозначить объект (т. е. выявить всю совокупность заводчиков), но и накопить обширную и разноплановую информацию о движении заводской собственности (обстоятельствах перехода по наследству, разделах, продажах), финансовом состоянии заводов и его ресурсной базе (прибыли, казенные или частные кредиты), формах "хозяйственного" (самими владельцами) и "нехозяйственного" (с участием казны или общественных институтов) управления, а также об отношениях с горнозаводским населением. Такие характеристики практики владения позволяют объективнее судить об ее эффективности и персональной роли заводчика.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX в., трактуемую как особый переходный период в развитии уральской горнозаводской промышленности. Тогда в полной мере раскрылись достоинства сложившейся окружной организации заводского хозяйства в результате достижения относительного равновесия всех ее "параметров" (технических, экономических, социальных), но в то же время выявились и ее основные противоречия, ставшие причиной нарушения равновесия и последующего кризиса. Но, поскольку начало или окончание владения того или иного заводчика далеко не всегда совпадали с начальной (1800 г.) или конечной (которой традиционно и вполне обоснованно считается в историог-

рафии рубежный для России и Урала 1861 г.) хронологическими рамками исследования, нам приходилось обращаться к несколько более раннему или более позднему времени в случае, если это было необходимо для решения поставленных задач.

Территориальные рамки работы определяются признаком подчиненности всех 50 частных горнозаводских хозяйств, существовавших в первой половине XIX в., Пермскому (1807-1831 гг.) и Уральскому (с 1832 г.) Горным правлениям. Находясь в юрисдикции этих региональных органов власти, горнозаводские округа представляли во всей своей совокупности не только некое административно-хозяйственное, но и историческое единство, которое можно назвать Горнозаводским Уралом, а владельцев этих округов - уральскими заводчиками или заводовладельцами. Больше число этих хозяйств (47) располагалось на территории трех "уральских" губерний - Пермской (22), Оренбургской (19) и Вятской (6); три округа находились в границах уральских и сопряженных с ними Вологодской и Казанской губерний.

Методология и методы исследования. Сложность изучаемого объекта и поставленных задач предопределили использование комплекса подходов и методов исследования. Основным для нас является системный подход и метод. Для анализа объекта исследования и объяснения происходивших с ним изменений этот подход реализуется посредством использования концепции окружной организации горнозаводской промышленности¹, которая позволяет, во-первых, четко определить базовые функции заводчика и понять специфику их выполнения в условиях Урала и, во-вторых, объяснить эволюцию исторического образа заводчиков и их роли, во многом зависящих от уровня развития самой формы организации горнозаводской промышленности. Как система взаимосвязанных и взаимообусловленных прав и обязанностей рассматривается и "юридическая сторона" частного владения горнозаводскими округами в первой половине XIX в.

Использование системного подхода определило также логику исследования, в котором сложный объект последовательно подвергается структурному и функциональному анализу. На первом уровне генерализации полученной информации осуществляется разноплановая стратификация заводчиков и выделение и систематизация наиболее значимых для всех заводчиков "болевых точек" практик владения, выявленных при реконструкции этих практик и связанных с выполнением ими своих базовых функций.

¹ Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 225-256; Гуськова Т. К. О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 231-234; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург, 2004.

Обобщенные данные дают возможность на втором уровне генерализации осуществить многомерную типизацию горнозаводских округов и их владельцев, которая и позволяет воссоздать "идеальный" и "реальный" образ и определить историческую роль заводчиков.

В этом случае применяются историко-сравнительный и историко-типологический методы. Для процедуры компаратива нами конструируется абстрактно-логический тип "идеального" заводчика. Его свойства отвечают сложившемуся на основе обобщения всех практик владения представлению о таком заводчике, деятельность которого (или "экономическое поведение") при реализации своих владельческих функций была адекватна характеру переживаемой эпохи и способствовала успешному развитию хозяйства. Опыт типизации заключается в соотнесении с этим "идеальным" типом всех владельцев уральских горнозаводских округов первой половины XIX в. Исходной базой для этого служат выявленные характеристики конкретных практик владения, обобщенные в таблицах. Историко-сравнительный метод используется также при выяснении исторических условий функционирования горнозаводских округов и деятельности их владельцев в первой половине XIX в. и, в частности, при определении различий двух форм заводской собственности, прав и обязанностей посессионеров и вотчинников.

"Родовой" принцип закономерно придал той части работы, в которой реконструируются практики владения, характер микроисторического исследования. Применение в данном случае микроподхода определяется, во-первых, тем, что обращение к истории рода заводчиков (или к отдельной личности) позволяет изучить практику владения заводами "предельно интенсивно, со всеми возможными подробностями, во всех... возможных связях и взаимодействиях"¹. Только так можно выявить всю совокупность заводладельцев первой половины XIX в., определить основные характеристики практик владения, а также мотивы поступков, связанных с реализацией владельцами своих функций. Во-вторых, использование микроподхода представляется нам закономерным, поскольку каждая из этих практик являлась отражением особенного и общего в деятельности заводладельцев и была в той же степени уникальна, сколь и типична. Каждая из них дополняет общую картину и (при использовании системного макроподхода) дает основание как для воссоздания обобщенного образа заводчика, так и всей множественности типов заводладельцев первой половины XIX в.

¹ Бессмертный Ю. Л. Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус-2000. С.52-61.

Существенно расширяет возможности нашего исследования использование достижений смежных наук. Так, при изучении правовых норм, регулировавших деятельность заводов и заводчиков, применялись методы историко-правовых исследований, а при определении объектов исследования – методы генеалогии (в частности, реконструкция родов заводчиков с помощью генеалогических схем). Для оценки типа "хозяйственного" управления заводами мы основывались на теории менеджмента, разработанной американским экономистом А. Чендлером¹.

Научная новизна работы заключается, во-первых, в выборе такого объекта исследования (роды и персоналии заводчиков), который позволяет в ином, "антропологическом" или "личностном", ракурсе изучать историю уральской промышленности; во-вторых, в выделении такого предмета исследования (практики владения горнозаводскими округами Урала), который прежде не рассматривался в историографии, но изучение которого с помощью микро- и макроподходов дает весомые основания для воссоздания образа и оценки роли заводчиков в истории горнозаводской промышленности, т. е. достижения цели исследования; в-третьих, в том, что в научный оборот вводится значительный объем ранее неизвестной или уточняющей информации, извлеченной преимущественно из архивных материалов; в-четвертых, в применении для научного анализа объекта концепции окружной организации горнозаводской промышленности как разновидности системного подхода и, в-пятых, в опыте многомерной типизации горнозаводских округов и их владельцев в первой половине XIX в.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке учебных пособий по истории Урала и России для исторических и экономических факультетов, в вузовской практике (при чтении общих и специальных курсов), а также при создании обобщающих (в том числе энциклопедических) трудов по истории уральской горнозаводской промышленности и истории российского бизнес-слоя. Выделение практики владения в качестве предмета исследования может применяться как модель для работ по истории заводчиков иных периодов развития уральской промышленности или других промышленных регионов России.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры археологии, этнографии и специальных исторических дисциплин Уральского государственного университета. По теме диссертационного исследования изданы монография (42,2 п. л.) и более 30 публикаций в региональных и федеральных изданиях, общим объемом око-

¹ The Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business / Ed. by Th. K. McCraw. Boston: Harvard Business School Press, 1988.

ло 16 п. л. Результаты исследования изложены и обсуждены на международных, республиканских и региональных научных конференциях в Москве (Пятая Международная Демидовская ассамблея, 2001), Петербурге ("Исторические персоналии: мотивировка и мотивация поступков", 2002; Седьмая Международная Демидовская ассамблея, 2003); Туле ("Тульский металл: четыре столетия истории", 1995); Ярославле (Четвертая Международная Демидовская ассамблея, 1998); Ногинске ("Вторые Морозовские чтения, 1996"); Екатеринбурге ("Урал в прошлом и настоящем", 1998; "Урал на пороге третьего тысячелетия", 2001; "Урал индустриальный. Бакунинские чтения", 2004; "Вторые Адамовские чтения, 2004; и др.), Невьянске ("Три столетия уральской металлургии", 2001), Березниках ("Пермское Прикамье в истории Урала и России", 2000) и Нижнем Тагиле ("Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур", 1997; "Тагильский край в панораме веков", 1999,2001).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, включающих 19 вспомогательных таблиц, именной указатель владельцев, акционеров и арендаторов уральских заводов и карту металлургических заводов Урала середины XIX в. Во второй том включены 34 очерка практик владения всех родов уральских заводчиков первой половины XIX в.

Основное содержание работы

Первая глава диссертации "**Историография и источники**" состоит из двух параграфов. В первом - "**Уральские заводчики в трудах исследователей**" рассматривается история изучения темы, ее основные направления и результаты.

Изучение истории владельцев уральских заводов насчитывает уже около 170 лет. Первые работы, посвященные крупнейшим родам заводчиков (Строгановым и Демидовым), были, как правило, заказными. Они отличались не достаточно глубокой критикой источников (зачастую легендарного характера), первостепенным вниманием к "занимательным" сюжетам биографий основателей рода и их ближайших потомков и, как правило, апологетичной оценкой их роли. К концу XIX - началу XX в. наметилась тенденция к более глубокому, "эволюционному" и "дифференцированному", отношению к персоналиям и поколениям уральских заводчиков, особенно ярко проявившемуся в историко-экономической литературе и демократической публицистике в связи с попытками разобраться в причинах развернувшегося тогда кризиса уральской промышленности и роли в нем заводчиков.

Советский период поменял акценты в изучении уральской металлургии. В идеологических рамках распространенного тогда подхода обращение к заводчикам, как объекту специального исследования, оказалось фактически невозможным. Однако столь же невозможным было и полное игнорирование их как активных действующих лиц истории Урала XVIII - начала XX в. В результате заводчики обрели свое "место" в исследованиях по истории социальной борьбы и истории горнозаводской промышленности в качестве "героев второго плана". В первых они рассматривались в рамках дилеммы "Трудящиеся - эксплуататоры"; во вторых - в контексте происходивших в промышленности процессов. Советской историографией была подхвачена конструктивная идея меняющейся роли заводчиков, в результате чего деятельность основателей заводов XVIII в. оценивалась в свете прогрессивных реформ Петра I и неизбежного, но жестокого по методам процесса первоначального накопления, а их "выродившихся" потомков - в контексте противоречивых процессов разложения феодальных и генезиса капиталистических отношений. Постсоветский период вновь обратил исследователей к теме заводчиков в связи с актуализацией истории предпринимательского слоя России и возродившимся интересом к персональной истории. Но ученые ограничиваются пока изучением в основном их культурно-исторического наследия и только приступают к исследованию хозяйственной деятельности.

В результате такой историографической динамики изучение уральских заводчиков, а вместе с ней и "личностного" фактора, во-первых, серьезно отстало от исследования других сюжетов истории горнозаводской промышленности и, во-вторых, тема оказалась разработанной крайне неравномерно, как по отношению ко всем родам заводчиков, так и различным периодам развития промышленности.

Можно констатировать, что к настоящему времени у историков имеется полноценное представление преимущественно об основателях и владельцах уральских заводов XVIII в., благодаря капитальным исследованиям Н. И. Павленко о всех родах заводчиков, Б. Б. Кафенгауза, А. С. Черкасовой, И. Н. Юркина о Демидовых, а также работам М. М. Громыко, В. А. Чудиновских, М. С. Бессонова о М. М. Походяшине, А. Н. Торопова о С. Я. Яковлеве, Н. М. Кулбахтина - о заводчиках Южного Урала¹.

¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Т. 1. М.; Л., 1949; Черкасова А. С. "...Чтоб железо делать самым добрым мастерством": из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 10-29; Юркин И. Н. Демидовы в Туле: из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998; Громыко М. М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973; Кулбахтин Н. М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане XVIII в. Уфа, 2000; и др.

"Правовые" условия функционирования частных заводов того времени рассматриваются в диссертациях и статьях Д. А. Редина и М. А. Манина. Проблема взаимоотношений частного предпринимательства и государства в XVIII в. (на примере Демидовых) посвящены также работы американского историка Хадсона (Jr. Н. Hudson), являющиеся редким исключением в зарубежной русистике¹.

Со страниц этих и других исследований заводчики периода становления уральской промышленности предстают во всем многообразии их персональных и "родовых" судеб, очень разными по происхождению, по способностям и мотивациям предпринимательской деятельности. Тем не менее за этой множественностью отчетливо вырисовывается преобладающий "позитивный" тип заводчика, отвечавшего потребностям времени и органично вписанного в окружающую систему как ее важнейший организующий элемент.

На втором месте по степени изученности можно поставить заводчиков (не только персоналии, но и выступавшие в этой роли банки и компании) второй половины XIX - начала XX в., которые показаны в исследованиях И. Ф. Гиндина, М. И. Вяткина, Ю. А. Буранова и Л. В. Сапоговской в контексте происходивших тогда процессов акционирования и монополизации горнозаводских округов². Деятельность нескольких потомков "коренных уральских фамилий" раскрыта в статьях Л. В. Сапоговской и В. А. Шкерина, впервые предпринявших попытку сравнения и типологии хозяйствования заводчиков в "постфеодальном рынке"³. Представители "тагильской" ветви Демидовых того времени как заводчики и как личности показаны в статьях Т. К. Гуськовой и Е. И. Красновой⁴.

¹ Hudson Jr. H. Free Enterprise end the State in Eighteenth-Century Russia: The Demidov Metallurgical Empire // Canadian Slavonic Papers. 1984. Vol. 26. No. 2-3; Hudson Jr. H. The Rise of the Demidov Family end the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1986.

² Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. М.; Л., 1965; Гиндин И. Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX - начале XX в. // Исторические записки. Т. 82. М., 1968; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982; Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX-XX вв. (К характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993.

³ Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Три столетия уральской металлургии. Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 76-87; Шкерин В. А. Князь Голицын и граф Шувалов (сравнительная характеристика уральских заводчиков рубежа XIX-XX вв.) // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт: Материалы конф. Екатеринбург, 2001. С. 332-242.

⁴ Гуськова Т. К. Индустриализация по-уральски // Три столетия уральской металлургии. С. 94-103; Краснова Е. И. Павел Павлович Демидов // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 35-45.

Эти и другие исследования свидетельствуют, что при всей "эклектичности" состава заводовладельцев периода кризиса уральской горнозаводской промышленности наиболее распространенным оказался тогда не отвечающий "вызовам" времени "негативный" тип владельца. Связанные "генетическими" узами с уже устаревшей и тормозившей динамичное развитие промышленности окружной организацией заводского хозяйства, заводчики "старой генерации" (и некоторые "новые") сами стали тормозом на пути модернизации промышленности. В довольно мучительном, но вполне закономерном процессе смены собственников этот тип владельцев в большинстве случаев "сходил с дистанции", заменяясь предпринимателями нового типа (в первую очередь представителями отечественных и иностранных финансово-промышленных групп).

Таковой оказалась "нисходящая" эволюция уральских заводчиков, определяющаяся по их "типичному" образу в начальный и конечный периоды истории горнозаводской промышленности Урала. Очевидно, что этот процесс не был случайным. Он адекватно отразил эволюцию самой промышленности и ее формообразующей окружной организации. Однако в этой исторической динамике остается до конца неясным образ заводчиков первой половины XIX в., периода значительно слабее изученного в сравнении с предыдущим и последующим временем.

В его хронологических рамках профессионально изучаются лишь несколько родов заводовладельцев. В первую очередь это Демидовы, которым посвящены исследования Т. К. Гуськовой, И. Н. Юркина, Е. П. Пироговой, А. Г. Мосина, а также изданные Международным Демидовским фондом (В. С. Мелентьев, Н. Г. Демидова) и Демидовским институтом (А.С.Черкасова, Н. Г. Павловский) сборники научных статей¹. Участие Н. Н. Демидова в управлении Нижнетагильскими заводами, история владения "тагильских" и "суксунских" Демидовых в первой половине XIX в. освещены и в наших статьях. Из зарубежных исследований отметим статьи американца К. Мондея, посвященные Ф. Лепле и его научной деятельности на Нижнетагильских заводах, и потомка Демидовых француза А. Тиссо о связях Демидовых с семейством Бонапартов, опубликованные в русских изданиях, а также книгу финской исследовательницы Aapeli Saaricalo о жиз-

¹ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995; Юркин И. Н. Демидовы - ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001; Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000; Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 10-98; Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994; Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1-3. М., 2001, 2003.

ни и благотворительности А. К. Шернваль-Демидовой-Карамзиной¹. По "демидовской" теме издан также ряд краеведческих книг, продолжающих описательную компилятивную традицию авторов XIX в. и по большому счету отличающихся от своих апологетичных предшественников лишь знаком минус в оценке Демидовых (особенно XIX в.)².

После Демидовых по интенсивности изучения можно поставить "пермских владельцев" (Строгановых, Голицыных, Шаховских, Лазаревых, Всеволожских), отчасти представленных в роли заводчиков в научных работах В. В. Мухина, Т. А. Чернявской, В. А. Шкерина, а также в нескольких научно-популярных и краеведческих изданиях, продолжающих работы историков XIX в.³ Наследникам И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова и другим владельцам южно-уральских заводов, отведены страницы в нескольких краеведческих изданиях, из которых особо выделяются исследования Г. Ф. и З. И. Гудковых и А. Ф. Мукомолова, отчасти основанные на архивных данных⁴. В отдельных научных, научно-популярных и периодических изданиях встречаются упоминания о владельцах Сысертских заводов наследниках А. Ф. Турчанинова, владельцах Шайтанских заводов Ширяевых и Ярцовых и некоторых других⁵. Особого внимания удостоились владельцы Кыштымского округа Н. Н. Демидов, Л. И. Расторгуев и его наследницы

¹ Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России. С. 64-76; Tissot-DemidoffA.-G. Bonaparte end Demidoff: A Tale of Two Family Dynasties // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 128-136; Aapeli Saaricalo. Aurora Karamzin ja hanen aikansa. Porvoo Helsinki, 1972.

² Шакинко И. М. Демидовы: Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000; Мезенин Н. А. Династия Демидовых: Исторические очерки. Нижний Тагил, 2002.

³ Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. Пермь, 1978; Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966; Чернявская Т. А. Горнозаводское хозяйство Лазаревых в крепостную эпоху (Конец XVIII - первая половина XIX в.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Свердловск, 1968; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. Екатеринбург, 1998; Шилов В. В. Очерки истории династии Строгановых. Березники, 1995; Андреев А. Р. Строгановы. XVI-XX вв.: Энцикл. издание. М., 2000; Чуприяновы М. Н. и В. И. Чермозские заводоладельцы и землевладельцы. Пермь, 2002; Всеволожская Л. Б. Всеволожи: Исторический очерк. Рязань, 2002.

⁴ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южно-уральских заводов XVIII-XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Кн. 1,2. Уфа, 1993; Мукомолов А. Ф. На южно-уральских заводах. Кн. 1,2. М., 2001.

⁵ Полевской край. Вып. 1. Екатеринбург, 1998; Сысерть: в краю бажовских сказов / Автор текста В. А. Шкерин. Екатеринбург, 2002; Чуманов А. Н. и др. Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; Агеев С. С, Микитюк В. П. Рязановы - купцы Екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; Александров А. А. Из истории Бемьшевского медеплавильного завода // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII - первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 113-122.

в монографиях В. М. Свистунова и О. В. Линник; исследованием заводского хозяйства Яковлевых во второй половине XVIII - начале XIX в. плодотворно занимается А. Н. Торопов¹.

Как помещики, уральские заводчики первой половины XIX в. предстают в ставших довольно популярными в последние годы работах, посвященных их взаимоотношениям с крепостным горнозаводским населением. Во многом эта тема определяется возрожденным интересом к явлению патернализма, которое в новейшей историографии рассматривается как "архетипический элемент" российской культуры. На репрезентативном уральском материале этой темой (в теоретическом и практическом аспектах) занимаются В. Г. Железкин, С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич². Мы также посвятили ей несколько статей. Хозяйственной деятельности заводовладельцев (в первую очередь Демидовых) и их администраций, а также системе окружного управления посвящены диссертации В. В. Тороп, Н. Г. Суровцевой и статьи О. А. Мельчаковой.

Таким образом, при современном уровне изученности темы уральских заводчиков первой половины XIX в., когда представление о них складывается по образу лишь нескольких лиц и родов и отдельных сторонах деятельности (в первую очередь меценатстве и благотворительности), невозможно ни создать полноценный обобщенный образ их как заводчиков, ни дать достаточно аргументированную оценку роли в истории уральской горнозаводской промышленности и места в структуре российского предпринимательского слоя. Усугубляет это положение отсутствие современных исследований государственной политики по отношению к горнозаводской промышленности (за исключением таможенной и отчасти кредитной)³ и проблем заводской собс-

¹ Свистунов В. М. История Каслинского завода 1745-1900 гг. Челябинск, 1997; Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745-1900 гг.). Снежинск, 2003; Харитонова Е. Д. Из истории купеческого рода Харитоновых // Уральская старина. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 16-108; Торопов А. Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII - начале XIX в.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

² Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 95-101; Голикова С. В. Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800—1861 гг.) // Доклады Вторых Морозовских чтений. Ногинск, 1996. С. 36-40; Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII - первой половины XIX в.: опыт социальной политики в промышленности // Три столетия уральской металлургии. С. 64-70.

³ Куприянова Л. В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40-80-е гг. XIX в.). М., 1994; Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). М., 1986 (автор не рассматривает политику в горнозаводском деле); Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., 2002; Суровцева Н. Г. Экспорт уральского металла в середине XIX в. Екатеринбург, 2001 (где рассматривается торговая политика).

твенности (в частности, посессионного и владельческого права)¹, которые бы давали представление об экономических и правовых условиях деятельности уральских заводов и заводчиков в рассматриваемый период.

Эта оценка во многом отражает общее состояние изученности темы горнозаводского предпринимательства и горнозаводчиков первой половины XIX в. в масштабе всей России. Известны единичные работы о владельцах заводов Замосковского края². Они свидетельствуют о крахе хозяйств и разорении многочисленных "одворянившихся" потомков тульских оружейников Баташевых и Демидовых в первой половине XIX в. и формировании на базе созданных ими хозяйств новых владений и предпринимательских фамилий (в частности, Мальцевых), успешно действовавших в дореформенный период, но переживших крах во второй половине XIX в.

Закономерным следствием сложившейся историографической ситуации, с одной стороны, является почти полное отсутствие информации об уральских заводчиках первой половины XIX в. в обобщающих работах, посвященных истории российского предпринимательства, что, на наш взгляд, значительно обедняет новейшие фундаментальные исследования³. С другой стороны, это положение предопределяет появление неточностей или умолчаний в тех случаях, когда информация о владельцах уральских заводов все-таки включается в справочные (в том числе энциклопедические) издания⁴.

Во втором параграфе дается характеристика использованных источников. Малоизученность темы владений и владельцев уральских заводов первой половины XIX в. предопределила приоритет архивных материалов нашего исследования (извлеченных из около 500 дел центральных и региональных архивов) в сравнении с использованными публикациями (более 70). Они включают законодательство, частноправовые акты, делопроизводствен-

¹ Сложные вопросы посессионного права интересовали в основном правоведов и экономистов XIX - начала XX в. (А. А. Штофа, В. А. Удинцова, А. Н. Митинского, М. И. Туган-Барановского, И. С. Сигова).

² Демиховский К. К. История Приокского горного округа в крепостную эпоху. М., 1956 (рукопись); Арсентьев Н. М. Баташевы: история расцвета и упадка промышленной династии // Демидовский временник. Кн. 1. С. 278-294; Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ: заводо-владельцы и рабочие. Саранск, 1994; Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996; Ульянов Г. Н. Мальцевы: двести лет на российском рынке // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 178-200.

³ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в.; Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999; История предпринимательства в России. Кн. 1; и др. В этих трудах встречаются лишь упоминания о Демидовых, Строгановых, Губиных и Гусятниковых (в основном XVIII в.).

⁴ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998; Металлургические заводы Урала. XVII-XX вв. Екатеринбург, 2001.

ную документацию, статистику, публицистику, периодику, источники личного происхождения и художественную литературу, а также изобразительные и картографические источники.

Первостепенное значение в работе приобрело законодательство. При его изучении мы в основном опирались на публикации законодательных актов в "Полном собрании законов Российской империи" (ПСЗ-1 и ПСЗ-П) и "Своде законов Российской империи" (СЗ 1832, 1842 и 1857 гг. издания). Среди различных отраслей законодательства нас в первую очередь интересовало промышленное и в частности горнозаводское законодательство, еще слабо изученное в источниковедческом аспекте. Работа с ним облегчается нерасчлененностью российского горного и заводского права и осуществленной в первой половине XIX в. его кодификацией в Проекте Горного положения 1806 г. и Горном уставе трех редакций (1832, 1842 и 1857 гг.). Сравнение этих сводов дает возможность провести компаративный анализ правовых норм и определить направление и характер эволюции "правового поля", на котором действовали уральские заводы и заводчики в изучаемый период.

Многие из использованных нами актов относятся к группе сепаратного законодательства, не вошедшего в ПСЗ. Эти указы (именные, сенатские, из Берг-коллегии, Горного департамента, Пермского и Уральского Горных правлений) касались конкретных вопросов жизнедеятельности отдельных горнозаводских округов и их владельцев. Они являются свидетельствами активной роли государства не только на макро-, но и на микроэкономическом уровне, и обнаруживаются при работе с делопроизводством.

В своды горнозаводского законодательства не входили также многие нормы, регулировавшие сложные имущественные отношения в российском государстве. Поэтому для понимания механизмов наследования, продажи, залогов, установления форм казенного или общественного контроля над частновладельческими имениями (к которым относились и заводы) нам приходилось обращаться к изучению общегражданского или налогового законодательства (в частности, "Законам о состояниях", "Законам гражданским", Уставам о повинностях, Уставам о податях и пошлинах, Банкротскому уставу и др.).

Большую и чрезвычайно важную группу источников представляют частноправовые акты, фиксировавшие имущественные отношения между российскими подданными. Она включает завещания, дарственные, различные раздельные и майоратные акты, закладные, договоры купли-продажи или аренды заводов и пр. В большинстве случаев информация именно этих малоизученных источников (выявлено около 100 подобных документов) позво-

лила нам восстановить состав семей заводчиков, уточнить структуру принадлежавшего им имущества, хронологию движения заводской собственности при переходах по наследству, разделах или продажах.

Большое значение в исследовании вполне закономерно приобрела разнообразная делопроизводственная документация. Привлеченный нами комплекс таких материалов можно разделить на ведомственное и частное делопроизводство. Первое представлено преимущественно документами Министерства финансов и его Горного департамента (РГИА. Ф. 37), а также регионального горного начальства в лице главного начальника уральских заводов (с 1826 г.) (ГАСО. Ф. 47) и Пермского (1807-1831 гг.) и Уральского (с 1832 г.) Горных правлений (ГАСО. Ф. 24).

В частности, мы использовали сконцентрированную в Горном департаменте налоговую документацию, предоставляющую информацию о производительности уральских заводов (а также заводов центральных губерний России) и доходах казны от "горного промысла". К учетной документации региональных Горных правлений принадлежат также использованные нами ведомости о землевладении и списки заводов, находившихся под их ведомством в разные годы, с указанием владельцев или краткой историей владения. Ежегодно собираемые в Горном правлении ведомости, составленные по форме 1847 г. и содержащие необходимые нам сведения о производительности и населении заводов по 8,9 и 10-й ревизиям, относятся уже к ведомственной статистике, отчасти публиковавшейся в изданиях Горного департамента.

Значительную группу ведомственного делопроизводства составляет деловая переписка региональной горной администрации с вышестоящими органами горной (Горный департамент, министр финансов) и гражданской власти (Сенат, Государственный Совет, Комитет министров, Министерство внутренних дел, Министерство государственных имуществ), а также кредитными учреждениями (Заемным и Коммерческим банками, Опекунскими советами Санкт-Петербургской и Московской сохранных казен), губернскими и уездными опеками и судами. Интересующая нас переписка в основном касалась учреждения тех или иных форм казенного или гражданского контроля над частными заводами и включала аналитические записки об их общем и финансовом состоянии.

Не меньшую ценность представляет внутреннее (и во многом пересекающееся) делопроизводство Горного департамента и Горных правлений, предоставляющее значительный объем хозяйственной информации в "Журналах заседаний", ежегодных рапортах заводских исправников и "обзорах" бергинспектора, разнообразных "записках" или "описаниях" о положении частных заводов, периодически составлявшихся для главного начальника или

министра финансов. Оценить результативность вмешательства горных властей в жизнь многих горнозаводских округов помогают также репрезентативные комплексы материалов по казенным присмотрам и управлениям, составляющие увесистые тома архивных дел.

Большой интерес представляют многочисленные просительные документы, направлявшиеся владельцами или их поверенными в правительственные инстанции разного уровня. Особенно многочисленными и информативными они оказывались в критических или конфликтных ситуациях, часто возникавших между совладельцами, управляющими и горными чиновниками. Правда, бросающийся в глаза субъективизм авторов делает такие документы адекватными источниками не столько о положении заводов, сколько о личности самого просителя, что отнюдь не снижает ценности этого вида делопроизводства. Особую подгруппу составляют обнаруженные в архивах судебно-следственные материалы, касавшиеся заводских и частных дел владельцев. Помимо фактической информации они позволяют дать оценку поступкам и поведению владельцев в неординарной ситуации, а свидетельские показания порой доносят до нас реальные "голоса прошлого". О социальной политике заводчиков и характере взаимоотношений с горнозаводским населением прямо или косвенно свидетельствуют материалы следствий по жалобам и волнениям, опубликованные в сборнике "Рабочее движение в России в XIX в." (Т. 1.М., 1951).

Второй тип делопроизводства - частное (заводское или вотчинное) - ценен тем, что дает большие возможности для анализа степени и характера участия владельцев в управлении, а порой и их общественных взглядов и представлений. В нескольких отложившихся в ГАСО заводских фондах (Ф. 643 Нижнетагильских заводов Демидовых, Ф. 72 Верх-Исетских заводов Яковлевых и отчасти Ф. 78 Невьянского округа Яковлевых) хранятся переписка владельцев с заводоуправлением или некоторые другие материалы, связанные с историей владения (в частности описания имущества, счета, прошения, записки и пр.). Особую ценность представляют довольно полно сохранившиеся "повеления" Н. Н. Демидова, А. И. Яковлева и отчасти П. Н. и А. Н. Демидовых. Фактически "сплошной" анализ переписки Н. Н. Демидова позволил нам представить не только образ заводчика в развитии, но и в деталях восстановить картину создания и укрепления системы дистантного управления заводами, широко практиковавшегося большинством заводладельцев первой половины XIX в.

Дополнительным (а нередко и основным) источником подобной информации являются также материалы личных фондов некоторых родов заводладельцев в центральных архивах (РГАДА. Ф. 1480 Белосельских-

Белозерских; Ф. 1252 Лазаревых; Ф. 1263 Голицыных; Ф. 1267 Демидовых; Ф. 1278 Строгановых; Ф. 1288 Шуваловых; РГИА. Ф. 652 Всеволожских; Ф. 655 Дашковых; Ф. 880 Лазаревых; Ф. 1092 Шуваловых), где реже, но все же встречается деловая переписка заводчиков (в первую очередь с их центральными правлениями, но иногда и заводами) и другая документация, касающаяся уральских вотчин.

Определенную, но не очень значительную роль сыграли в нашей работе источники личного происхождения. Как оказалось, преобладающее большинство заводчиков не оставили дневниковых записей или мемуаров (известны только их научные, публицистические и литературные произведения, характеризующие авторов как многогранных личностей, но не как заводчиков). Редким исключением являются беллетризированные воспоминания, написанные по просьбе С. Т. Аксакова его сестрой Н. Т. Карташевской, в которых она описала свое недолгое первое замужество с совладельцем Шурминско-Залазнинских заводов Н. И. Мосоловым и борьбу его родственников за наследство. Отсутствует также и репрезентативный ресурс частной переписки, касавшейся заводских дел. Хорошо сохранившаяся переписка П. Д. и Е. А. Соломирских с А. Я. Булгаковым, относящаяся к периоду Попечительства над Сысертским округом, восстанавливает картину жизни отстраненного от управления заводладельца на Урале, но мало связана с делами заводов.

В такой ситуации нам пришлось воспользоваться лишь небольшим числом эпистолярных источников ограниченного числа владельцев (в основном представителей аристократических родов, имеющих личные фонды в центральных архивах) по вопросам заводской жизни или в связи с проблемами владения. Адресатами таких писем могли быть родственники, знакомые или поверенные, государственные чиновники и даже царствующие особы. Определенные трудности интерпретации возникали при зачастую необходимом переводе текста писем с иностранного языка (как правило, французского, принятого в аристократических кругах).

Некоторый успех был достигнут также при обращении к эпистолярным источникам или мемуарам людей, в ближний или дальний круг знакомств которых входили владельцы уральских заводов. Это, в частности, переписка А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ж. Ромма, А. И. Тургенева, дневник и письма А. И. Герцена, воспоминания Б. Н. Чичерина, записки С. Г. Волконского, А. В. Поджио, воспоминания М. Ф. Каменской и письма С. П. Трубецкого, записки М. Д. Бутурлина, Д. Н. Свербева, И. А. Арсеньева, воспоминания В. Н. Головиной, А. О. Смирновой-Россет, Е. П. Яньковой, дневник В. А. Муханова и письма Карамзиных, воспоминания Н. И. Греча, П. П. Свинына, В. А. Соллогуба, В. М. Строева, Л. В. Дубельта, Ф. Ф. Вигеля,

С. М. Соловьева, С. П. Жихарева, А. П. Керн, Н. Н. Муравьева-Карского, В. И. Немировича-Данченко, П. В. Долгорукова, дневник Ф. Л. Карпинского. Эти опубликованные источники помогают восстановить генеалогические связи заводовладельцев, получить представление о некоторых чертах характера, взглядах, общественной и государственной деятельности, их поведении и образе жизни, знакомствах и круге общения. Но за исключением отдельных высказываний о заводовладельцах как о людях богатых (а порой и расточительных) и создавших свое богатство за счет своих уральских имений, более подробной информации о них как заводчиках в воспоминаниях, как правило, не встречается.

Последнюю группу письменных источников составляют периодика, публицистика и художественная литература. В специализированном "Горном журнале" (выходил в Петербурге с 1825 г.) публиковались статистические обзоры по уральским заводам, аналитические записки экспертов о техническом состоянии отдельных горнозаводских округов, некоторые правительственные документы и даже статьи, написанные заводчиками (в частности, А. А. Кнауфа) или людьми из близкого их окружения. На страницы столичных и губернских "Ведомостей" попадала информация о вступлении наследников во владение заводами или о продаже последних с публичных торгов, а также некоторые правительственные распоряжения. Когда на рубеже 1850—1860-х гг. стал выходить "Журнал для акционеров", там были опубликованы материалы о деятельности немногочисленных еще тогда акционерных компаний, в том числе и двух уральских. На страницах приложения "Под суд!" к лондонскому изданию газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева "Колокол" за 1859 г. были опубликованы материалы следствий, касавшихся управления заводами М. В. Пашкова, И. О. Сухозанета, А. П. Загряжского и Н. Н. Подъячева.

К публицистическим произведениям можно отнести многочисленные работы начала 1860-х гг. по поводу разгоревшейся тогда дискуссии о посессионном праве и предложении выкупа уральских посессионных заводов. Дискуссия, в которой принимали участие юристы и горные деятели, хорошо знакомые с заводской практикой, прошла по страницам "Горного журнала", газет "Санкт-Петербургские ведомости" и "Московские ведомости", "Северная пчела" и "Современное слово", вылилась в отдельные издания и вошла в "Труды" Комиссий по пересмотру Горного устава и системы подаей и сборов.

Из художественной и художественно-публицистической литературы в первую очередь следует упомянуть творчество знаменитого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, во многих произведениях которого выведены

яркие образы заводчиков. Современники и исследователи его творчества не раз обращали внимание на типичность его литературных героев и указывали на конкретных прототипов каждого из них. Произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка позволяют глубже почувствовать ту эпоху, представить конкретных людей, организацию управления заводами (в частности значение приездов владельцев), действие опеки и конкурсов, чего зачастую не могут дать иные виды исторических источников. Зримые образы заводовладельцев (или жен, дочерей заводчиков) - просвещенных представительниц салонного столичного общества первой половины XIX в. - представлены в отечественной поэзии (в частности в стихах А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева, Г. В. Маслова и др.). Среди персонажей сочинений-воспоминаний С. Т. Аксакова упоминаются члены родов уральских заводчиков Мосоловых, Дурасовых, Тевкелевых, Тимашевых, Глазовых. Некоторые представители "тагильской" ветви рода Демидовых запечатлены в произведениях западноевропейских писателей (в частности Ф. Стендаля и М. Пруста), свидетельствующих о их жизни за границей.

Кроме документов и нарративов при подготовке нашего исследования немалое значение сыграли изобразительные источники. В первую очередь это живописные и скульптурные портреты заводовладельцев и заводовладелец, созданные российскими и европейскими мастерами от В. Л. Боровиковского и К. П. Брюллова до Дж. Доу и К. Морелли, Ж.-П. Дантана и Б. Торвальдсена. Эстетические и психологические впечатления от них дают представление о внешнем облике и "внутреннем мире" наших героев. Значительный потенциал дополнительной информации содержат картографические источники, позволяющие наглядно представить географическое положение и масштабы горнозаводских хозяйств, увидеть и оценить организацию производственных связей заводов, характер которых не мог не влиять на эффективность всего хозяйства.

Вторая глава диссертации "**Владения: состав и статус**" посвящена определению правовых условий развития частных горнозаводских округов Урала в исторической динамике первой половины XIX в. и вытекающих отсюда прав и обязанностей их владельцев и политике государства.

В параграфе "**Статус владений и эволюция прав заводчиков**" показано, что в горнозаводском законодательстве первой половины XIX в. словесные различия владельцев постепенно заменялись общими для всех их правовыми нормами, систематизированными в сводах горнозаводского законодательства. Этим власть выделила заводчиков в особую межсословную (до 1823 г. - четырехсословную: дворяне, именитые граждане, купцы, мещане; после - трехсословную: дворяне, почетные граждане, купцы 1 и 2-й

гильдий) категорию, наделенную особыми, только ее касавшимися правами и обязанностями. Они не отменяли прежних сословных прав владельцев, но дополняли их новыми по отношению к заводам и государству.

Этим же законодательством в конце XVIII в. (по манифесту 28 июня 1782 г. и указу от 23 июня 1794 г.) в составе заводчиков были выделены статусные группы посессионеров и вотчинников, различавшиеся кругом своих прав и обязанностей. Отличия между ними определялись не сословным положением владельца, а введенным в 1794 г. статусом горнозаводских владений, который зависел от отношений владельца с казной. Эти отношения определялись тем, пользовался ли заводчик государственной помощью в виде различных "натуральных" (земля, лес, руды, работники) или "правовых" (право владения недворянами крепостными людьми) пособий или вел свое дело, опираясь лишь на собственные средства и возможности.

Анализ правообразующих норм Проекта Горного положения и применение ко всей совокупности прав и обязанностей посессионеров и государства современных научных представлений¹, позволяют утверждать, что казна сохраняла свои "коренные" права собственника на предоставленные заводчикам природные ресурсы. Вместе с тем в условиях посессии оно добровольно передавало некоторые из них заводчику, наделяя его правом владения и частичным правом пользования, выступая в качестве номинального собственника. Капитализация этой роли осуществлялась путем получения установленной самим же государством доли участия в доходах (повышенной горной подати). Для регулярного получения "надлежащего количества дохода", власти разного уровня (заводский исправник - Горное правление - Департамент горных и соляных дел Министерства финансов - Правительствующий Сенат) сохраняли за собой возможность контроля и применения различных санкций.

Заводчик, будучи владельцем казенных пособий, в то же время обладал всем набором прав на сами заводы и движимое имущество. По отношению к ним он выступал в роли собственника, получая возможность присваивать прибыль. Но условное владение основными ресурсами затрудняло свободное распоряжение заводской собственностью. Основные ограничения заключались в том, что между масштабами казенных пособий и производительностью заводов устанавливались определенные пропорции, нарушать которые запрещалось без санкции горного начальства. В целом права посессионера на горнозаводское хозяйство, как совокупность предприятий и ресурсов, не поддается однозначной трактовке и может быть охарактеризовано как сочетание в одном субъекте черт собственника, владельца и пользователя. Такое

¹ Собственность в России. Средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 21.

расщепление правомочий собственника и контроль со стороны государства должны были обеспечить "баланс интересов", не позволяя ни заводчику, ни государству "узурпировать все полномочия по управлению собственностью и присвоению доходов от нее"¹. Тем не менее такое положение ставило заводчика-посессионера в неравное положение по сравнению с заводчиком-вотчинником, обладавшим всем набором прав собственности.

Анализ текущего законодательства (итогом которого стало третье издание Горного устава 1857 г.) дает основания утверждать, что государство, идя на определенные уступки, тем не менее, вовсе не стремилось к полной ликвидации посессионного права в горнозаводской промышленности, а значит и установлению паритета прав двух статусных групп заводчиков. Судя по характеру некоторых уступок посессионерам (особенно в отношении рабочей силы), они не добавили ничего принципиально нового в номенклатуру прав заводчиков. Эти права не вышли за рамки установленной в начале столетия совокупности прав распоряжения и не приблизили посессионеров к роли полных собственников горнозаводских округов. Происходившие изменения лишь расширяли некоторые уже имевшиеся права владения и пользования в окончательно установившихся к тому времени границах горнозаводских округов, но не затронули фундаментальных основ посессионного права и связанных с ним ограничений.

В целом ретроспективный взгляд на посессионное право, приводит к выводу о том, что возникновение этого внутренне противоречивого историко-правового феномена являлось вполне естественным следствием той особой (отличной от порядков западноевропейских стран) "системы пособий", которая действовала в России XVIII в. сначала в условиях "казенной регалии" на недра земли и леса, а затем - отмены последней в конце столетия. В результате Россия вошла в число таких западноевропейских стран, как Франция, Бельгия, Австрия и Пруссия, где государство также активно (а в Австрии и Пруссии даже еще больше) влияло на развитие частного предпринимательства в горном деле. Разрубать "гордиев узел" посессионного права и в целом всей "системы опеки" над частной горнозаводской промышленностью (так, как поступила власть в отношении фабрично-заводской промышленности, где посессионное право с 1840 по 1863 г. было ликвидировано) казна не решилась, как не решилась под давлением заводчиков и на дальнейшее углубление норм посессионного права и распространение некоторых из них на владельческие заводы.

¹ Берснев В. Л. Государство и экономика в историко-правовом аспекте // Историческая наука на рубеже веков. С. 306-307.

В итоге создание и сохранение в течение всей первой половины XIX в. различий в формах собственности на частные горные заводы создало беспрецедентную ситуацию, когда параллельно на одном "экономическом пространстве", но в разных правовых условиях, действовали и развивались две конкурирующие "модели" промышленности. Одна, представленная владельческими заводами, существовала в условиях относительно свободного хозяйствования, другая, представленная посессионными заводами, - в ограниченных законами условиях "казенной опеки". Действие этих "моделей" развития российской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. становилось уникальным опытом, результаты которого и могли дать ответ на поставленный временем вопрос: уничтожить или сохранить посессионное право?

Во втором параграфе **"Состав владений. Горные подати и санкции"** рассматривается динамика статусных групп горнозаводских округов в первой половине XIX в. и определяются "фискальные" мотивы сохранения посессионного права в горнозаводской промышленности.

Изучение статусных групп уральских горнозаводских округов и действий заводчиков и казны по уточнению их границ приводит к выводу о том, что если в 1800 г. из 48 хозяйств 23 (48 %) считались владельческими, 23 (48 %) - посессионными и 2 (4 %) имели в своем составе заводы обоих статусов, то накануне реформы 1861 г. из 42 хозяйств 19 (45 %) числились владельческими, 17 (41 %) - посессионными и 6 (14 %) имели двойной статус. Но три округа в этой группе (Суксунский, Ревдинско-Рождественский и Юговский) платили полуторную подать за весь выплавленный чугун, поскольку статус владельческих имели там только передельные предприятия. Поэтому, если их присоединить к группе посессионных хозяйств, то ее доля сразу возрастет до 48 % и превысит долю владельческих округов.

Таким образом, в статусном составе горнозаводских хозяйств Урала к 1861 г. серьезных перемен не произошло, как не произошло и существенных сдвигов в отношении государства к посессионному праву в горнозаводской промышленности. Первоочередным мотивом этого являлось стремление сохранить повышенный размер горной подати с посессионных заводов, который составлял весомую часть дохода государства, а также контроль над большинством крупнейших частных (посессионных) округов с целью оградить фискальные интересы государства.

Российское горнозаводское законодательство еще в XVIII в. установило два вида общих горных податей: с валового производства чугуна и меди и с количества заводского оборудования. Начиная с "Высочайше подтвержденного" доклада директора Берг-коллегии М. Ф. Соймонова от 27 октября

1799 г. и в течение всей первой половины XIX в. (исключая 1812 г., когда подать была временно повышена) владельческие заводы платили по 8 коп. асс. с пуда чугуна и 10-ю часть выплавленной меди, а посессионные - 12 коп. асс. и 15 % соответственно. С 1786 по 1807 г. собиралась еще так называемая "половинная" натуральная подать с меди, предусматривавшая ее покупку казной по фиксированной цене. "Оброчная" подать, собираемая с заводского оборудования, по указу от 23 июня 1794 г. поднялась до 200 руб. асс. (с 1839 г. - 60 руб. сер) с домны и 10 руб. (3 руб. сер.) с медеплавильной печи в год, причем это повышение касалось всех заводов, независимо от их статуса. В отличие от "попудной" и "десятичной" податей этот налог взимался даже, когда завод бездействовал. Он отменялся только после официального указа о ликвидации завода и шел на ведение казенного делопроизводства.

Во второй половине XVIII - начале XIX в. были также установлены сроки и созданы механизмы сбора горных податей. Тем не менее податные недоимки оказались серьезной проблемой уже в середине XVIII в. Поэтому параллельно развитию налогового законодательства устанавливались и менялись санкции против должников. Первоначально это были в основном штрафы, система которых, хотя и совершенствовалась, но не привела к коренному решению проблемы недоимок. Поэтому в первой половине XIX в. широкое применение получили административные санкции, выражавшиеся в установлении либо казенного присмотра или казенного управления (когда владелец полностью отстранялся от управления), либо различных форм общественного контроля над частными заводами (опеки, попечительства, кредиторские управления).

Еще специалисты середины XIX в. считали, что при оценке системы горных податей важно учитывать, отвечала ли она двум основным принципам: 1) чем ниже подати, тем лучше; 2) чем проще их исчисление, тем лучше. Принятая в России система горных податей вполне соответствовала второму условию, поскольку взимание подати "с количества продуктов" признавалось более простой, чем системы податей, взимаемых "с чистого дохода" или "валовой стоимости продукта". В этом отношении российские горные власти находились в более выгодном положении по сравнению с администрацией Англии, Пруссии, Австрии и Франции. Но в отношении величины горной подати российские заводчики оказывались в более тяжелых условиях в сравнении с западноевропейскими горнопромышленниками. Платеж 10 и тем более 15-процентной горной подати с меди и "попудной" подати с валового производства чугуна признавался современниками обременительным и "тягостно отзываемым на развитии нашей промышленности". Добавление к этому государственных (в первую очередь подушной подати и рекрутской

повинности) и, хотя и не высоких, но обременительных (как правило, натуральных) земских податей (распространявшихся в основном на вотчинные заводы) еще более усугубляло положение заводчиков.

Неизменная податная политика государства и усложненная система санкций в первой половине XIX в. становятся более понятными, если определить основное назначение горных податей. Несмотря на то, что российская казна имела собственные металлургические заводы, "прямой" доход она получала только от частной промышленности. Казенные заводы (по указу от 22 сентября 1809 г.) не продавали металлы (за исключением "остатков"), а действовали для удовлетворения потребностей армии и флота. Поэтому "капитальная" часть горных податей с частных заводов и шла на финансирование казенной горнозаводской промышленности. В условиях фактически перманентного военного состояния России в первой половине XIX в. поступление горных податей (а промышленность уральского региона приносила до 90 % доходов горному ведомству) становилось, поэтому, вопросом национальной безопасности. Этим отчасти объяснялось сохранение прежней системы податей и статусного состава горнозаводских округов Урала в течение всей первой половины XIX в. Этим же можно объяснить и особое внимание властей, вовсе не случайно направленное тогда на совершенствование системы санкций.

Третья глава "**Владельцы: состав и функции**" генерирует информационную базу практик владения и состоит из двух параграфов. В первом "**Состав заводчиков. Движение заводской собственности**" дается характеристика всех родов заводчиков первой половины XIX в. и осуществляется их стратификация по различным параметрам.

Роды заводчиков поделены на две группы - "старинных", сформировавшихся еще в XVIII в., и "новых", вошедших в состав заводчиков в первой половине XIX в. Возглавлял группу "старинных" владельцев единственный 6-поколенный род Демидовых, представленный 35 лицами (10,8 % всех заводчиков), относившихся к 3-6 поколениям трех ветвей рода и владевших на Урале Нижнетагильскими, Ревдинско-Рождественскими (кроме 1808-1833 гг.), Суксунскими (акционированы в 1848 г.), Кыштымскими (до 1809 г.) и Кагинскими (до 1855 г.) заводами. Из 5-поколенной группы наиболее разветвленным и многочисленным оказался род наследников С. Я. Яковлева, представленный 73 лицами (или 22,5 % всех заводчиков), относившимся к 24 дворянским фамилиям трех ветвей владельцев Верх-Исетских, Невьянских, Алапаевских с Уинскими (до 1859 г.) и Холуницких (до 1839 г.) заводов во 2-5 поколениях. Несколько менее многочисленным, но не менее разветвленным являлся род потомков породнившихся симбирских купцов И. С. Мясникова и И. Б. Твердышева, владельцев Симских, Белорецких, Юрюзанских, Катавских,

Кагинских (в 1830-1855 гг.), Богдавленского, Воскресенского, Верхоторского, Архангельского, Благовещенского (с 1835 г.) и Преображенского (с 1838 г.) заводов. К нему принадлежали 38 лиц (11,7 % всех заводчиков), относившихся к 14 дворянским фамилиям и 2-5 поколениям от основателей. 16 чел. (или 4,6 % всех заводчиков) представляли в первой половине XIX в. еще один 5-поколенный "старинный" род тульского происхождения Мосоловых. Они принадлежали к двум далеко разошедшимся ветвям, одна из которых (в 3-5 поколениях) владела Шурминско-Залазнинскими заводами, а вторая (во 2-3 поколениях) — Каноникольским заводом. Род Осокиных, в начале XIX в. владевший Юговскими (до 1804 г.), Троицкими (до 1837 г.), Омутнинскими и Мешинским (до 1848 г.) заводами, был представлен 5 владельцами, относящимися к 3-5 поколениям. Замыкают группу 5-поколенных "старых" родов 15 наследников А. Ф. Турчанинова, владельцев Сысертских заводов, принадлежавших к шести ветвям рода и 2-5 его поколениям.

К 4-поколенным "старинным" родам принадлежал крупнейший предпринимательский род Строгановых, представленный двумя ветвями (во 2-4 поколениях) владельцев Билимбаевских и Кыновских заводов, в каждую из которых входило по 4 лица. Самыми знатными в составе уральских заводчиков первой половины XIX в. оставались 7 представителей рода князей Голицыных (принадлежавших к ветви "Михайловичей"), относившихся к 1-4 поколениям и двум линиям владельцев Нытвенских заводов. В эту же поколенную группу входили 2 представителя дворянского рода Лебедевых, потомков по женской линии Осокиных, владельцев Бемышевского завода в 3-4 поколениях. Род владельцев Кирсинско-Кажимских заводов (до 1842 г.) Курочкиных был представлен 8 лицами, принадлежавшими к прямой и двум побочным линиям (во 2-4 поколениях). Разветвленный тульский купеческий род Красильниковых, представленный 13 лицами, относившимися к двум ветвям и 2-4 поколениям владельцев Архангельского-Шаранского (до 1836 г.) и Коринского (до 1832 г.) заводов. Во владении 4 казанских купцов Кобелевых, принадлежавших ко 2-4 поколениям рода, находился до 1823 г. Пыжманский завод

Три поколения в составе уральских заводчиков насчитывал древний княжеский род Шаховских, представленный всего 2 лицами, принадлежащими к первому и третьему поколениям владельцев Лысьвенских заводов. Не менее древний род Всеволожских был представлен 3 лицами, принадлежавшими ко 2-3 поколениям владельцев Пожевского округа, из которого в 1849 г. выделился самостоятельный Никитинский округ. В эту же группу входили 8 представителей купеческого рода Губиных (в 1-3 поколениях), владельцев Сергинско-Уфалейского и Авзяно-Петровского (до 1858 г.) ок-

ругов. Два представителя знатного татарского рода Тевкелевых, относившихся ко 2-3 поколениям, до 1823 г. владели Варзино-Алексеевским заводом. Татарский купеческий род Иноземцевых до 1826 г. в составе заводчиков представляли 8 лиц, относившихся ко 2-3 поколениям от основателя Таишевских заводов. Род потомков симбирского купца Глазова, владельцев (до 1834 г.) Богословского медеплавильного завода, был представлен 4 лицами (во 2-3 поколениях). Трое представителей симбирского купеческого рода Маленковых, также относившихся ко 2-3 поколениям, до 1826 г. владели на Южном Урале Берсудским заводом.

Крупнейшим заводовладельцем Урала оставался в первой половине XIX в. армянский род дворян Лазаревых, представленный в своей "уральской" биографии 5 лицами, относившимися к 1-2 поколениям и двум ветвям владельцев Чермоозских заводов. К 2-поколенным родам относились также 3 представителя дворян Хлебниковых, владельцев Благовещенского (до 1835 г.) и Нязе-Петровского (до 1809 г.) заводов. Одворянившийся купеческий род Ширяевых в первой половине XIX в. был представлен 3 лицами двух его поколений, до 1810 г. владевшими Шайтанскими заводами. Род богатейших московских купцов Гусятниковых представляли в составе уральских заводчиков 8 владельцев (до 1838 г.) Преображенского завода (в 1-3 поколениях). Менее всех из "старинных" родов (одно поколение) продержались в составе уральских заводчиков двое петербургских купцов Грибановых, до 1812 г. владевшими Ньючымским заводом. Итого, группа "старинных" заводовладельцев была представлена 275 лицами, принадлежащими к 23 родам и одной отдельной фамилии.

Самыми крупными в группе "новых" заводчиков оказались 3-поколенные роды. К ним относился уфимский купеческий род Подъячевых, представленный 5 владельцами Шильвинского завода (с 1797 г.). Род московских первостатейных купцов Ярцовых представляли 5 владельцев Шайтанских (с 1810 г.) и Таишевских (в 1826-1852 гг.) заводов. 2-поколенный купеческий род Расторгуевых включал 4 владельцев (с 1808 г.) крупнейших на Южном Урале Кыштымских заводов. Род столбовых дворян Шелашниковых, представленный 5 лицами, владел с 1834 г. Богословским медеплавильным заводом. Трое представителей дворянского предпринимательского рода Пономаревых с 1838 г. владели на Западном Урале Холуницкими заводами. С 1848 г. двумя лицами был представлен в составе уральских заводчиков род казанских купцов Коровиных, владельцев Мешинского завода, и третья - род ярославских первогильдейских купцов Пастуховых, владельцев

Омутнинских заводов. 2-поколенный род верхотурских купцов Зеленцовых в составе 9 владельцев Ревдинско-Рождественских заводов продержался в составе уральских заводчиков с 1808 по 1833 г.

Среди "новых" владельцев, представленных в одном лице и одном поколении, оказались крупнейший винный откупщик поручик Д. Е. Бенардаки, в 1837 г. купивший Троицкие, в 1858 г. - Кирсинско-Кажимские и 1859 г. - Авзяно-Петровские заводы. "Русская потомственная дворянка" графиня О. Н. Рошефор в 1859 г. стала владелицей Уинских заводов. С именами известных горных инженеров полковника А. А. Грамматчикова и подполковника Ф. А. Хвошинского, а также их компаньона надворного советника Ильина связана недолгая история основания и действия (1855-1861 гг.) небольшого Святочудовского медеплавильного завода. Петербургский купец 1-й гильдии Ф. П. Никифоров оказался в составе уральских заводчиков, купив Кагинские заводы в 1860 г. Богатый московский купец В. Н. Рукавишников в конце 1850-х гг. вошел в состав владельцев Невьянского округа.

Немец по происхождению московский купец 1-й гильдии и именитый гражданин А. А. Кнауф с 1804 г. владел Юговскими (Кнауфскими) заводами, акционированными в 1853 г. уже после его смерти. Временно в группу "новых" владельцев вошли дворянин Н. Е. Тимашев, купивший в 1858 г. Авзяно-Петровские заводы, но на следующий год уже продавший их; московский первогильдейский купец Н. Л. Старков (Стариков), в 1815 г. купивший Юрюзанский округ, но уже в 1817 г. не по своей воле расставшийся с ним; тульский купец 1-й гильдии А. И. Маликов, в 1842-1858 гг. владевший Кирсинско-Кажимскими заводами; петербургский купец 1-й гильдии М. Ф. Гротен, владение которого Кагинскими заводами продолжалось с 1855 по 1860 г. и стерлитамакский купец 2-й гильдии А. В. Татарин, в компании с Ф. П. Никифоровым владевший теми же Кагинскими заводами в 1860-1862 гг. Таким образом, группа "новых" владельцев оказалась представленной в составе уральских заводчиков 49 лицами, принадлежавшими к 8 родам и 13 отдельным фамилиям.

Определение персонального состава владельцев уральских заводов показывает, что за период с 1800 по 1861 г. в этой роли побывало 324 чел. Они принадлежали к 108 фамилиям, 77 из которых относились к 14 разветвленным родам, включавшим от 2 до 24 фамилий. За вычетом 60 лиц, вступивших в права владения еще в прошлом столетии, численность заводчиков первых шести десятилетий XIX в. примерно в 1,4 раза превышала общее число уральских заводчиков всего XVIII в. Это свидетельствует о значительном росте их численности, что при отсутствии возможности образования новых горнозаводских хозяйств на казенных землях, явилось следствием двух

основных процессов: "генеалогической" эволюции родов заводчиков ("естественный прирост") и движения заводской собственности в ходе продаж ("искусственный прирост").

По числу владельцев группа "старинных" родов была представлена 275 лицами (84,9 % всех владельцев), в том числе 238 (86,5 % владельцев в группе) дворянами (в том числе 35 титул.), 26 (9,5 %) купцами и почетными гражданами и 11 (4,0 %) мещанами. В составе группы было 108 (около 40 %) женщин (99 дворянок, в том числе 19 титул., и 9 купеческих жен и дочерей).

В 1800 г. группа "старинных" владельцев была представлена 23 родами и одной отдельной фамилией и включала тогда 60 чел., из которых 38 были дворянами (в том числе 5 титул.), 17 - купцами и именитыми гражданами и 5 - мещанами. К 1861 г. в составе группы остались 12 родов (включавших 40 фамилий), к которым принадлежали 65 чел., в том числе 63 дворянина (в том числе 11 титул.) и 2 почетных гражданина. В течение изучаемого периода эта группа "утратила" около половины своего "родового" состава. Для трех дворянских (Тевкелевы, Осокины, Глазовы), пяти одворянившихся (Ширяевы, Гусятниковы и частью Красильниковы, Грибановы и Иноземцевы) и двух купеческих (Кобелевы и Маленковы) родов это стало закономерным итогом проблем, накопившихся еще в XVIII в. Угасшие дворянский род Хлебниковых и одворянившийся род Курочкиных не обнаружили в лице своих преемников из дворян (Полторацкой, Голохвостовых и Боборыкиных) достойных продолжателей дела. Вместе с ними группа лишилась 18 горнозаводских хозяйств (в том числе 8 владельческих и 10 посессионных), из которых 5 были ликвидированы и 13 проданы.

Из владения 11 оставшихся дворянских родов (Демидовы, Яковлевы, Мясниковы, Мосоловы, Турчаниновы, Строгановы, Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы, Лебедевы) и одного одворянившегося рода (Губины) путем продаж полностью вышли 5 горнозаводских округов (в том числе 3 посессионных и 2 двойного статуса), один округ был акционирован и один продан частично. В итоге из 48 горнозаводских хозяйств, находившихся во владении группы "старинных" родов в начале XIX в., к 1861 г. было полностью сохранено 23, в том числе 6 посессионных (Нижнетагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Сысертский, Шурминско-Залазнинский, Бемышевский), 15 владельческих (Билимбаевский, Кыновский, Нытвенский, Лысьвенский, Чермозский, Пожевский, Белорецкий, Симский, Юрюзанский, Катавский, Каноникольский, Богоявленский, Воскресенский, Верхоторский, Архангельский,) и 2 (Сергинско-Уфалейский и Ревдинско-Рождественский) - двойного статуса. Два хозяйства были приобретены покупкой (Благовещенский и Преображенский заводы), одно (Никитинский

округ) - выделилось в результате раздела и два (Невьянский посессионный и Суксунский двойного статуса) - состояли в частичном владении. Таким образом, к 1861 г. группа "старинных" заводчиков владела (полностью или частично) 28 горнозаводскими округами.

В группу "новых" владельцев входили 49 чел. (15,1 % от всех владельцев), в том числе 26 (53 % владельцев в группе) дворян (в том числе одна титул.) и 23 купца (47 % владельцев в группе). Среди них было 13 (26,5 %) женщин (8 дворянок, 2 потомственные почетные гражданки и 3 купеческие жены). К 1861-1862 гг. в этой группе остались 18 чел., в том числе 9 дворян (в том числе 1 титул.) и 9 купцов, принадлежавших к 7 родам (включавшим 9 фамилий) и 7 отдельным фамилиям. Заметно, что сословный состав этой группы был более "демократичен", хотя и ограничен теми же тремя сословиями дворян, именитых (с 1832 г. - почетных) граждан и купцов 1 и 2-й гильдий (14 из 23 имели почетное гражданство), по указу от 27 июня 1823 г. "допущенных" властью до горнозаводского предпринимательства.

К 1861 г. из их состава выбыли 1 одворянившийся род Зеленцовых, 1 дворянин (Н. Е. Тимашев) и 5 купцов (А. И. Маликов, А. В. Татарин, М. Ф. Гротен, Н. Л. Старков и А. А. Кнауф), владевшие 6 горнозаводскими округами. Остались в группе 2 дворянских рода (Пономаревы и Шелашниковы), один одворянившийся (Ярцовы), 4 купеческих (Подъячевы, Расторгуевы, Пастуховы, Коровины), 5 дворян (Д. Е. Бенардаки, графиня О. Н. Рошефор, А. А. Грамматчиков, Ф. А. Хвошинский и Ильин) и 2 купца (В. Н. Рукавишников и Ф. П. Никифоров). В 1861 г. 9 дворян и 9 купцов (в том числе 8 почетных граждан; 7 купцов 1-й и двое - 2-й гильдий, записанных в петербургское, московское, ярославское, шлиссельбургское, казанское и елабужское купечество) владели 10 посессионными округами (Холунишским, Кирсинско-Кажимским, Авзяно-Петровским, Омутнинским, Кагинским, Шайтанским, Мешинским, Богословским, Шильвинским и Святочудовским), одним посессионным округом частично (Невьянский), одним владельческим округом (Троицким) и двумя - двойного статуса (Кыштымским и Уинским). Правда, 3 из этих хозяйств (Уинские, Богословский и Святочудовский заводы) в 1861-1862 гг. уже прекратили выплавку меди, но еще не были исключены из списка уральских металлургических предприятий. Все "новые" владельцы входили в статусную группу посессионеров, хотя некоторые из них имели в составе своих округов и владельческие заводы.

В отличие от "статусного" (или правового, который мало менялся) сословный состав заводчиков за первую половину XIX в. претерпел очевидные изменения. В результате естественного роста числа представителей доминировавших "старинных" дворянских родов (как правило, 3-6 поколенных),

а также благодаря вертикальной мобильности и государственной политике из состава заводчиков были удалены низшие слои "городских обывателей" (мещане и купцы 3-й гильдии) и он стал более однородным и "благородным" по статусу (63 % дворян в 1800 г. и 87 % - в 1861 г.).

Заводовладельцы - дворяне принадлежали ко всем учтенным законом группам (дворянство жалованное, военное, по чинам и орденам, иностранное, титулованное и древнее) с преобладанием жалованного дворянства, что отразило сложную историю происхождения большинства заводчиков еще в XVIII в. В первой половине XIX в. восходящая социальная мобильность достигалась в основном военной и гражданской службой (зачастую связанной с благотворительной деятельностью). Среди небольшой недворянской группы в составе уральских заводчиков преобладали первостатейные столичные купцы и почетные граждане.

Преобладающее большинство владельцев уральских горнозаводских округов по масштабам владений и хозяйственной деятельности должны быть отнесены к предпринимательской элите России. Но там они занимали особое место, определявшееся их преимущественно дворянским статусом со всеми вытекающими отсюда последствиями (в частности, особым образом жизни и кругом общения, а зачастую и неличным участием в "деле").

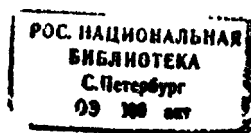
Во втором параграфе "**Организация управления и функции заводчиков**" осуществляется систематизация и анализ информации, касающейся выполнения заводчиками своих базовых функций владения и управления.

В переходный период развития уральской горнозаводской промышленности первая ("владельческая" или "юридическая") функция заключалась в оформлении и отстаивании (если имелись на то основания) более привлекательного владельческого статуса на заводы, земли и заводское население. С этими проблемами заводчики-посессионеры пытались справиться двумя способами: частным переводом отдельных посессионных заводов в группу владельческих (пример, "билимбаевских" Строгановых, "сергинско-уфалейских" Губиных, "суксунских" Демидовых, "белорецких" Пашковых) или коллективной борьбой за постепенную отмену посессионных ограничений (например, в отношении "штатных" нормативов или правил распоряжения заводскими крепостными). Вотчинники также объединяли свои усилия, когда власти покушались на их права (например, в 1820 г., когда Горное правление пыталось повсеместно ввести "правила содержания рабочих", или в ходе кампании "по разбору прав заводчиков" в 1830-1850-е гг.).

Практики владения свидетельствуют, что сверхактуальной в первой половине XIX в. оказалась также проблема "многовладельческой" собственности, связанная с "генеалогической" эволюцией преимущественно "ста-

ринных" (и отчасти некоторых "новых") родов уральских заводчиков, подошедших к новому столетию уже во 2-4 поколениях. Трудности, возникавшие с владением округами, оказавшимися в "общей" собственности нескольких лиц, приводили к "измельчанию" доходов, к усложнению управления и финансирования заводов, создавали благоприятную почву для споров по дележу собственности и доходов. Случалось, что разногласия совладельцев выливались в острые и длительные семейные конфликты, негативно влиявшие не только на отношения между родственниками, но и создававшие проблемы для самих заводов. Нам известно о 15 таких конфликтах, половина из которых напрямую касалась вопросов заводской собственности.

Предусмотрительные заводчики старались различными способами не допустить или преодолеть дробление имений и его последствия. На практике это достигалось путем денежного и/или натурального выдела совладельцев (как, например, у Лазаревых в 1840 и 1860 гг., Мосоловых в 1842 и 1848 гг., Осокиных в 1847 г., "белорецких" Пашковых в 1853 г., наследниц И. М. Ярцова в 1856 г., "кыновских" Строгановых в 1859 г.), учреждения майората (как у "билимбаевских" Строгановых в 1817 г.), добровольной передачи владения одному наследнику с правом получением фиксированного дивиденда (как у Белосельских-Белозерских в 1861 г. или "тагильских" Демидовых в 1861-1862 гг.), раздела округов без дробления заводов (как у Пашковых в 1803 г., Бекетовых в 1824 г., Белосельских-Белозерских в 1830 г., Губиных в 1838 г., наследниц И. М. Ярцова в 1851 г.) или с "раздроблением на части" (как у Всеволожских в 1849 г.). Наиболее "безболезненными" для заводов оказывались либо "натуральный выдел" совладельцев, либо раздел округов. Но воспользоваться этими вариантами могли только те заводчики, во владении которых оказывалось несколько округов (как, например у наследников И. С. Яковлева, И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, И. М. Ярцова, М. П. Губина), или равная по доходам или стоимости с заводами неза заводская собственность (вотчины, дома, лавки и пр., как, например, у Пашковых, Осокиных, наследниц И. М. Ярцова и А. Г. Лаваль). Различные варианты денежного "выдела" (включая и близкий к нему майорат) обременяли заводы значительными непроизводственными расходами и могли негативно влиять на их развитие. "Фактуальный" раздел округа, как показал печальный опыт Всеволожских, привел к банкротству владельцев и потому оказался единственным в первой половине XIX в. Сложности осуществления этих способов предопределили то, что наиболее распространенным оказался все-таки "долевой" раздел заводов, как правило, ведущий к вышперечисленным последствиям, которые негативно отражались на развитии заводов.

Вторая (организационно-распорядительная или административная) функция заводовладельцев в первой половине XIX в. претерпела серьезные перемены, связанные с изменением роли владельца в структуре управления. Практики владения показывают, что наиболее распространенной в первой половине XIX в. оказалась "дистантная" модель, сочетавшая элементы "предпринимательского" и "менеджерского" типов управления. Это было связано с тем, что преобладающее большинство владельцев уже не жили на своих заводах. "Пространственное" отделение владельцев от владений произошло еще во второй половине прошлого столетия и было вполне закономерным следствием действия двух основных факторов: 1) завершения процесса формирования окружной организации заводского хозяйства и, в частности, аппарата его управления; 2) нобилитации заводчиков-недворян и происшедшими вследствие этого изменениями в их образе жизни и менталитете; в то время как у большинства потомственных дворян владение заводами изначально совмещалось с государственной службой и не меняло привычного образа жизни, за рамками которого оказывалось проживание на заводах.

"Механизм" участия владельцев в дистантном управлении зависел от расстояния, на котором находился владелец, структуры и величины хозяйства, наличия связанных с заводами вотчин, но в общих чертах оказывался у всех заводчиков схожим. Обязательными элементами структуры такого управления являлись центральное (расположенное, как правило, по месту жительства владельца) и многоуровневое заводское правление, а также конторы по продажам в разных торговых центрах России (а также Западной Европы и Востока, если продукция заводов шла на экспорт). В этой сложной системе управления роль заводовладельца сводилась в первую очередь к функции высшего контроля, определения перспектив развития заводов в динамично меняющейся рыночной конъюнктуре и обязанности стабильно финансировать их капиталами (в первую очередь оборотными), а также проведении такой "социальной политики", которая способствовала бы повышению эффективности крепостного труда и "гармонизации" отношений заводчика и представлявшей его на заводах администрации с горнозаводским населением.

О том, как справлялись заводчики первой половины XIX в. со своими административными обязанностями свидетельствуют факты многовариантного вмешательства государства и общества в управление и даже владение частными горнозаводскими округами Урала. Оказывается, что оно коснулось владельцев 40 (из 50, или 80 %) хозяйств. В течение первой половины XIX в. принадлежавшие им округа выживали уже не столько благодаря собственным ресурсам, сколько в основном при поддержке государства (а также общественных институтов и частных лиц).

Исчерпав еще в XVIII в. возможности помощи заводчикам путем предоставления различных "вещественных пособий", в новых условиях государство оказывало им весомую финансовую поддержку (через банки, сохраненные казны или напрямую из казначейства и органов горного управления), в которой заводчики более всего и нуждались. Только долгосрочные залоговые ссуды заводчикам с 1798 по 1860 г. составили более 16млн.руб. сер. Лидирующее положение среди кредитных учреждений занимал Государственный Заемный банк. С начала XIX в. и до 1861 г. он выдал уральским заводчикам около 9,8 млн. руб. сер., что составляло 54,8 % всех учтенных нами ссуд и около трети всех операций банка за время его существования (с 1786 г. они составили 32,2 млн. руб.). С целью охранения своих фискальных интересов (в случае просрочек платежей) и защиты "общественного порядка" государству (зачастую через посредство общественных институтов) приходилось частично или полностью брать на себя управление и финансирование заводов.

Самым распространенным средством, использовавшимся властями при решении фактически всех проблем частных заводов, оказалось учреждение опекунского управления. С начала XIX в. известно 19 опека (за исключением тех, которые автоматически устанавливались над малолетними владельцами) над 13 горнозаводскими округами. Больше шансов поправить положение заводов и заводчиков было у центральных опека, учреждавшихся по особому разрешению в столице и состоявших из влиятельных лиц (опеки над В. А. Всеволожским в 1797-1802 гг. или П. П. Бекетовым в 1830-1832 гг.). Но большинство опекунских управлений, осуществлявшимися довольно ограниченными силами уральских уездных дворянских опека, оказывались не в состоянии эффективно решать финансовые проблемы заводов, результатом чего, как правило, становился их дальнейший упадок.

Следствием банкротства А. С. Иноземцева, П. М. Гусятникова, А. А. Кнауфа и А. И. Яковлева стало учреждение кредиторских управлений (в том числе двух с участием иностранцев) на их заводах, ни одно из которых, впрочем, не справилось со своими задачами. Ближайшими или отдаленными следствиями такого управления становились либо продажа, либо акционирование заводов. В первой половине XIX в. известны 4 попытки учреждения акционерно-кредиторских компаний на Урале, из которых реализовались лишь две (Товарищество Суксунских заводов 1848 г. и Компания Кнауфских заводов 1853 г.). Передача управления заводов акционерным компаниям, состоявшим в основном из кредиторов бывших владельцев, было следствием безвыходной финансовой ситуации, сложившейся в этих горнозаводских округах. Но при отсутствии непредусмотренной такой формой акционирования достаточного притока капиталов "со стороны", компании

не смогли обеспечить полноценного финансирования хозяйств. Одними из первых они не выдержали испытаний рубежа 1850-1860-х гг., привели заводы "в совершенный упадок" и в 1863 и 1864 гг. сами инициировали передачу округов в казенное управление.

В трех случаях "расточительные" владельцы добровольно отказывались от управления заводами с учреждением над ними попечительства (над Пожевскими заводами Всеволожских в 1833-1848 гг., Суксунскими заводами Демидовых в 1835-1847 гг. и частями П. Д. Соломирского в Сысертских заводах в 1839-1861 гг.). Полученные благодаря влиятельным попечителям ссуды и льготы приносили временное облегчение и создавали видимость благополучия. Но все попечительства оказались бессильны противостоять главной причине бед - недостатку оборотного и отсутствию запасного капиталов и в итоге были ликвидированы.

Из форм казенного контроля над частными заводами наиболее широко практиковался присмотр за ними горных властей. Известны 16 случаев казенного присмотра, которому в первой половине XIX в. подверглись 14 горнозаводских хозяйств, в том числе Кагинский округ - трижды. В большинстве случаев казенный присмотр не достигал своей цели, причины чего крылись в самом его "содержании", не позволявшем назначенному для контроля горному чиновнику вмешиваться в "хозяйственные" распоряжения частной администрации и в то же время ничего не дававшему последней для облегчения положения заводов. Поэтому общим для владельцев и горных властей оказывалось желание поскорее освободиться от взаимно обременительного присмотра, который, как правило, не был продолжительным.

Как доказывают примеры Ревдинско-Рождественского (1815-1829 гг.), Кнауфского (1828-1853 гг.), Сергинско-Уфалейского (1841-1848 гг.) и Кыштымского округов (1843-1852 гг.), наиболее эффективными способами восстановления доведенных владельцами до банкротства заводов оказывались казенное управление (когда управление полностью изымалось у владельцев и передавалось казне) и близкий к нему полный казенный присмотр (когда финансовая сторона отделялась от частной администрации). Правда, в 9 из 12 известных случаев казенное управление устанавливалось на короткое время и вскоре заменялось присмотром, опекой или возвращением владельцу. В лице государства заводы находили более опытного управленца, чем владельцы или их кредиторы, а, главное, надежного "спонсора", имевшего в своем распоряжении такой источник финансирования как государственный бюджет. Но положительный эффект достигался лишь длительным казенным управлением, фактически сравнивающимся с казенным владением. Оно про-

должалось до выплаты государственных долгов и заканчивалось либо возвращением их владельцам или акционерам, либо, если не выказывалось с их стороны такого желания, продажей заводов с публичных торгов.

Все это свидетельствует о действительно масштабном "участии" государства в управлении частными горнозаводскими округами в первой половине XIX в. Это еще раз подтверждает распространенный в историографии тезис о том, что вмешательство власти в сферу общественно-экономических отношений являлось наиболее характерной чертой российского абсолютизма¹. Но, как показывают практики владения, оно фактически всегда являлось закономерным следствием сложившейся на заводах ситуации с частным управлением или владением, вынуждавшей власть к каким-либо предусмотренным законодательством действиям. Интенсивность этого "участия" возрастала с 4-6 случаев в 1800-1810-е до 9-14 - в 1820 - начале 1860-х гг., причем в основном за счет казенных присмотров и опекунских управлений. Это свидетельствует, во-первых, о нарастании с 1820-х гг. негативных тенденций в частном секторе уральской горнозаводской промышленности и все более активном участии государства и общества в решении проблем его развития. Во-вторых, о том, что более широко стали использоваться далеко не самые эффективные формы контроля, которые не только не могли поправить шаткое положение заводов, но и зачастую ухудшали его.

Поставленная перед дилеммой окончательного разорения заводов, заводчиков и заводского населения (что было чревато утратой казенных доходов и социальными потрясениями), власть вынуждена была брать на себя часть управленческих и даже владельческих функций, хотя наиболее оптимальным способом решения этих проблем справедливо считала продажу заводов. Но, как владельцы, так и казна, в большинстве случаев затруднялись в скором отыскании нового и эффективного собственника дорогостоящих и сложноорганизованных горнозаводских имений. Ни одно из 28 назначений к публичной продаже не увенчалось успехом с первого раза, даже несмотря на то, что начальная цена определялась со значительным понижением. Между назначением к продаже и продажей проходило от 3 до 26 лет. В итоге осуществленными оказались только шесть публичных продаж, из которых (по ближайшим или отдаленным ко второму поколению "новых" владельцев последствиям) ни одну нельзя назвать удачной. Нередко сами заводчики находили покупателя, лишь предоставляя ему льготные условия продажи (в рассрочку или под залог). Но и из 26 частных продаж заводов только 8 оказались удачными (причем половина из них была осуществлена между "старинными" заводчиками), а в 7 случаях последовала новая перепрода-

¹ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.

жа. Возможности "капиталиста" людей в России того времени отставали от уже сформировавшейся потребности в эффективном перераспределении крупной заводской собственности, а финансовый рынок не получил еще достаточного развития.

В итоге многовариантная помощь заводчикам со стороны государства и общества лишь в редких случаях оказывалась эффективной. Таковыми можно признать всего 2 центральные опеки и 4 казенных управления, т. е. только 10 % всех учтенных форм контроля. Остальные были либо малоэффективными, либо вовсе безрезультатными и даже вредными по своим последствиям. В большинстве случаев вмешательство государства только затягивало уже проявившиеся кризисные явления, катализаторами которых в дальнейшем стали мировой финансовый кризис и неурожай 1858-1859 гг., и начавшиеся в стране реформы.

В Заключении подводятся итоги исследования посредством конструирования абстрактно-логического образа "идеального" заводчика и сопоставления с ним всех 324 реальных заводчиков первой половины XIX в. В результате процедуры компаратива, оказывается, что близкими к "идеалу" можно назвать лишь около 10 % всех заводладельцев, определенных как "компетентных и ответственных" заводчиков, в целом справлявшихся со своими обязанностями по владению и управлению заводами. Остальные уже не имели способностей, возможностей или желания выступать в сложной роли заводчика и в разной степени приближения - удаления отстояли от "идеала". Среди них самую многочисленную группу (примерно до 80 %) составляли владельцы, не сумевшие самостоятельно справиться с проблемами владения и управления заводами, но при этом не утратившие чувства ответственности если не за заводы, то хотя бы за собственную судьбу, тесно связанную с судьбой заводов. Одни из них ("устранившиеся от владения") предпочли либо совсем расстаться с заводами путем продажи или передачи заводов во владение более способным или богатым совладельцам за выкуп или ренту, либо принимали решение закрыть ставшие нерентабельными предприятия. Другая часть ("устранившиеся от управления") имела возможность передавать управление соглашавшимся взять на себя ответственность совладельцам, родственникам или наемным специалистам. Хотя мотивы и последствия принятых ими решений были различными, этих заводчиков можно обозначить как "некомпетентных, но осознающих свою ответственность".

Небольшую группу (около 10 %) составляли владельцы, которых можно отнести к типу "некомпетентных и безответственных" заводчиков. Часть их ("агрессивные" владельцы) крепко цеплялась за фактически доведенные до банкротства заводы, конфликтовала с совладельцами и властями и тем

причиняла дополнительный ощутимый вред заводам. Другие ("индифферентные" владельцы), наоборот, утратили всякий интерес к заводам и не обращали на них должного внимания.

При таком представительстве типов получается, что наиболее распространенным для первой половины XIX в. оказался "некомпетентный, но осознающий свою ответственность" заводчик, преимущественно принадлежавший к "старинным" родам владельцев. На наш взгляд, этот тип являлся естественным "продуктом" переходной эпохи развития уральской горно-заводской промышленности, характеризующейся борьбой двух тенденций в эволюции образа и роли заводчика. Через владельцев, отнесенных к этому типу, тенденция к превращению во "владельца - рантье" уже начала активно себя проявлять в конкуренции с сохранявшей свою актуальность, но все более утрачиваемой ролью "владельца - менеджера". В результате реальный образ "типичного" заводчика первой половины XIX в. в преобладающем большинстве индивидуальных проявлений далеко не во всем совпадал с абстрактно-логическим образом "идеального" заводчика.

Поскольку благоприятные условия для предпочтения не соответствующей времени роли "владельца - рантье" создавало эволюционное развитие окружной организации уральской горнозаводской промышленности, можно утверждать, что ее позитивный потенциал оказался исчерпанным уже в переходный период первой половины XIX в., а распад вовсе не случайно начался с такого наиболее уязвимого и неустойчивого элемента, как заводовладелец. Ускоряла этот процесс и характерная для крепостного времени нобилизация заводчиков. Та же окружная система с характерным для нее принципом "нераздробности" лежала в основе обострившейся тогда юридической проблемы "многовладельческого собственности", чреватой тяжелыми последствиями для заводов и заводчиков.

Можно констатировать, что кризис уральской промышленности во второй половине этого столетия сопровождался "кризисом владений и владельцев", обнаружившимся еще в дореформенное время. Его сутью являлось то, что в далеко не простых условиях первой половины XIX в., когда еще сохранялась ведущая (хотя уже и отличающаяся по своему "наполнению" от предшественников) роль заводчиков в истории принадлежавших им заводов, большинство из них с этой ролью самостоятельно уже не справлялись. Более успешно заводчикам удавалось решать проблемы наследования и собственности (посессионной, "многовладельческой"), т. е. выполнять свою юридическую функцию. В значительно меньшей степени они справлялись с проблемами управления (организационно-распорядительной или административной функцией), следствием чего и становилось их замещение в этой роли

государственными или общественными институтами. "Менеджерский" тип управления делал в то время еще первые шаги и далеко не всегда оказывался эффективным на практике. Немногочисленные "новые" владельцы, как правило, были не подготовлены к восприятию трудной роли заводчика (тем более "идеального") и также не справлялись с ней, как и большинство "старинных" владельцев и наемных специалистов.

Судя по динамике учреждения различных форм "нехозяйственного" управления, симптомы этого кризиса проявились уже в 1820-е гг. и особенно усилились в 1840 - начале 1860-х гг. Причем, некомпетентными чаще показывали себя заводчики-посессионеры (около 70 % посессионных округов подвергались каким-либо формам "нехозяйственного" управления), но, как показывает практика, зависело это не столько от статуса владения, сколько от более широкого круга причин. В то же время владельческий статус вовсе не являлся гарантией успешного развития заводов и не защищал их от вмешательства властей (около 40 % владельческих округов оказались под санкционированным казенным или общественным контролем в условиях их более щедрого государственного кредитования). Это говорит о том, что правовой статус хозяйства не являлся решающим фактором, определявшим характер развития заводов. Доминирующими здесь оказывались объективные, а потому общие для всех заводов экономические (а не правовые) условия развития горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. (связанные с обострившимися противоречиями окружной организации заводского хозяйства, а также технико-технологическими и рыночными "вызовами" Запада) и субъективные проявления воли самих заводчиков, зависевшие в первую очередь от личностных качеств владельцев или "ментальных установок" того сословия (дворянского), к которому принадлежало большинство из них. Существенное влияние на развитие заводов оказывал также "пограничный" (объективно-субъективный) фактор, связанный с наследственным характером собственности и вытекающими отсюда проблемами наследования и семейных отношений.

Тем не менее укрепление и сохранение посессионного права в течение всего XIX в. и попытки распространить отдельные его нормы на владельческие заводы, по всей видимости, определялись не только фискальными интересами государства, но и во многом справедливыми опасениями властей за непредсказуемое "экономическое поведение" заводовладельцев. Основанием для этого вполне могла послужить в целом неудачная практика владения уральских заводчиков в первой половине XIX в. Вместе с тем, активная финансовая и административная "помощь" заводчикам со стороны государства и общества, как показывает та же практика владения, редко при-

водила к благоприятным результатам для заводов обоих статусов. Это косвенно отразило необходимость серьезных перемен не только в организации горнозаводской промышленности и составе заводладельцев, но и в промышленной политике государства и в целом в базовых основах российского общества, во многом исчерпавшем к середине XIX в. позитивный потенциал своего стадийного развития. Немногочисленные пока историографические свидетельства подобного же состояния заводов и "старинных" родов заводчиков других металлургических центров России (в частности, Замосковского района) только подкрепляют этот общий вывод.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

• монографии:

1. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. - 42,2 п. л.

• статьи, доклады, тезисы докладов:

1. Сысертские заводы наследников А. Ф. Турчанинова в конце XVIII - середине XIX в.: модель "конфликтного владения" // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург: Академкнига, 2003. С. 103-120.

2. "Обозрение деревень Нижнетагильского округа" Я. Н. Горелова как источник по истории уральских заводских поселений и их населения // Документ. Архив. История. Современность: Сб. статей. Вып. 3. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 285-312.

3. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30-50-е гг. XIX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: Сб. статей. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 77-87.

4. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX в. // Тульский металл: четыре столетия истории: Материалы конф. М.; Тула, 1995. С. 16-19.

5. Государство, заводчики и горнозаводское население Урала в XVIII - первой половине XIX в. // Власть и общество: Сб. статей. Нижний Тагил: НТГПИ, 1996. С. 45-55.

6. Эволюция отношений заводчиков и горнозаводских рабочих на Урале в XVIII-XIX вв. (на примере Нижнетагильских заводов Демидовых) // Доклады Вторых Морозовских чтений. Ногинск-Богородск: ИРИ РАН, 1996. С. 180-181 (совместно с Т. К. Гуськовой).

7. 0 роли Н. Н. Демидова в развитии тагильской лаковой живописи в первой четверти XIX в. // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950 гг.: Материалы конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. Ч. 2. С. 168-171.

8. Эволюция крепостничества в горнозаводской промышленности Урала в конце XVII - первой половине XIX в. // Урал в прошлом и настоящем: Материалы конф. Екатеринбург: УрО РАН; Банк культурной информации, 1998. 4. 1. С. 297-300.

9. Формирование новой социальной среды на горнозаводском Урале в ХУШ - первой половине XIX в. и роль в этом процессе Демидовых // "Для великого блага отечества...": Демидовские чтения. Ярославль: ЯрГУ, 1998. С. 14-17 (совместно с Т. К. Гуськовой).

10. Дмитрий Петрович Шорин // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX - начала XX в.: Уч. пособие. Нижний Тагил: НТГПИ, 1998. С. 15-29.

11. Фотий Ильич Швецов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX - начала XX в.: Уч. пособие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 23-35.

12. Заводские деревни Нижнетагильского округа Демидовых в XVII - первой половине XIX в. // Тагильский край в панораме веков. Вып. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 32-44.

13. Демидовы и Строгановы: история родства // Тагильский край в панораме веков. Вып. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 47-55 (совместно с Т. Г. Мезениной).

14. Строгановы в истории российского предпринимательства XVI-XVII вв. // Пермское Прикамье в истории Урала и России: Материалы конф. Березники: ПГУ, 2000. С. 147-151 (совместно с Т. Г. Мезениной).

15. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII - первой половине XIX в. // Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы конф. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 85-87.

16. Приезд Н.Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. // Тагильский край в панораме веков. Вып. 2. Нижний Тагил: НТГПИ, 2001. С. 202-210.

17. Формирование новой социальной среды на горнозаводском Урале в XVIII - первой половине XIX в. и роль в этом процессе Демидовых // Альманах Международного Демидовского фонда, М.: ИЦ "Классика", 2001. С. 173-175 (совместно с Т. К. Гуськовой).

18. Николай Никитич Демидов во главе управления Нижнетагильскими заводами // Три столетия уральской металлургии: Материалы конф. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 52-64.

19. Горнозаводские рабочие Урала в первой половине XIX в.: социо-экономическая характеристика // Ученые записки НТГПИ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Нижний Тагил: НТГПИ, 2001. С. 23-27.

20. Иностранцы на частных заводах Урала в начале XIX в. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С.281-287.

21. Путешествие С. Г. Волконской в Сибирь // Туризм Уральского региона: проблемы, привлекательность, перспективы, технологии: Материалы конф. Т. 2. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 269-274.

22. Социальная политика уральских заводчиков и ее мотивация (на примере "тагильских" Демидовых первой половины XIX в.) // Исторические персоналии: мотивировка и мотивация поступков. Материалы конф. СПб.: Изд-во "Нестор", 2002. С. 255-258.

23. Уральские заводчики первой половины XIX в.: краткая история владений и владельцев. Ч. 1 // Ученые записки НТГПИ. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. С. 51-56.

24. Образы уральских заводчиков в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире: Материалы конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. С. 95-98.

25. Наследники и наследство: из истории владения Шурминских заводов // Тагильский вестник. Вып. 2. Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. С. 44-60.

26. Река Чусовая во владении рода Строгановых // Река Чусовая: проблемы изучения и сохранения природного и культурно-исторического наследия: Материалы конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 2003. С. 95-101 (совместно с Т. Г. Мезениной).

27. Николай Никитич Демидов: заводчик и его заводы // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. М.: ИЦ "Классика", 2003. С. 43-48.

28. Владения "тагильской" ветви рода Демидовых в крепостной период // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М.: ИЦ "Классика", 2003. С. 45-57.

29. Суксунские заводы во владении Демидовых в первой половине XIX в. // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М.: ИЦ "Классика", 2003. С. 103-115.

30. Горные подати и санкции в первой половине XIX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. Т. 1. С. 230-243.

31. Проблема "многовладельческой" собственности и попытки ее решения заводовладельцами в первой половине XIX в. // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова: Сб. статей. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С. 114-125.

№20422

РНБ Русский фонд

2005-4
22090

Подписано в печать 07.09.2004. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 2,35. Уч.-изд. л. 2,5
Тираж 100 экз. Заказ № 31. Бесплатно.

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
Отдел издательских и множительных систем
622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57